

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2118

(1918)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это название — «Писательская рота» — конечно же, условное. Но и писательская рота была. В буквальном смысле этого сочетания слов, и оно, похоже, стало, как говорят языковеды, устойчивым. *Была* писательская рота. И даже не одна. Потому что в состав одной стрелковой роты все писатели, ушедшие добровольцами на фронт, не вместились. Пришлось командованию формировать вторую. Они воевали под Вязьмой и попали в самую кровавую мясорубку первого вяземского сражения и сгнули в первом вяземском окружении. А сколько писателей и поэтов воевали в других стрелковых ротах, в танковых частях, в партизанских отрядах и на боевых кораблях! Так что война сформировала и третью, и четвёртую, и пятую...

Говорят, в годы Первой мировой войны Франция потеряла в боях триста молодых поэтов. И они, триста поэтов республики, одетые в солдатские шинели, удержали свои Фермопилы...

А ещё говорят: когда Верховному главнокомандующему доложили, что в боях слишком часто гибнут писатели и поэты, тот, отложив свою погасшую трубку, покачал головой и сказал:

— Они очень горячие люди. Им не терпится стать героями. Отзовите их с передовой. Пусть работают в редакциях газет. Там тоже нужны талантливые писатели и поэты.

Но не всех успели отозвать, многие уже погибли, стали инвалидами, калеками. Других не отзывали, потому что они были хорошими солдатами, и командиры всеми способами старались удержать их в своих частях и подразделениях: они храбро и умело дрались и заменить их было нечем.

Но если это правда, то Сталин, как ни суди, спас от гибели многих, кто потом создал целую литературу о войне, и

не только о ней. И эта литература в истории мировой уникальна и беспрецедентна. И хотя ни одна из книг военных писателей не отмечена Нобелевской премией, до некоторых пор являвшейся наивысшей и как бы эталонной, по художественным достоинствам многие из упомянутых здесь, в этом своде, стоят вровень с книгами Хемингуэя и Ремарка. А по достоверности изображаемого и правде жизни куда выше многих лауреатов этой пока ещё престижной литературной премии.

Каждый год в канун 9 Мая и 23 февраля интернет заполняет коллаж: советские актёры, любимцы публики — участники Великой Отечественной войны, их портреты и ордена, которыми они были награждены за свои подвиги и раны. Их немного, по пальцам перечесть. И орденов немного. Но — неоспоримо! — они герои. Однако тут же всплывает закономерный вопрос: а почему забыли писателей? Их гораздо больше — целые взводы, роты. Может, целый батальон! И орденов гораздо больше. Среди них есть даже удостоенные звания Героя Советского Союза. Почему же их нет? Где их портреты, молодых, мужественных, с боевыми наградами на солдатских и офицерских гимнастёрках?

Судьба каждого писателя-солдата — это отдельный и неповторимый сюжет, порою закрученный почище самого лихого приключенческого романа. И в то же время он намертво влит в судьбу и историю русского воинства, отстоявшего в 1941—1945 годах свою землю, своё Отечество и прославившего в очередной раз русское оружие и боевые знамёна. Видимо, в том и суть — раствориться в общем подвиге победившего народа, стать незаметной, но неотделимой частью его.

Эта книга — поклон поколения сыновей и внуков солдат Великой Отечественной войны и одновременно слово признательности поколению наших учителей в русской и советской литературе.

Военная литература, созданная фронтовиками, это не просто книги о войне, хотя читатель в них найдёт и точность деталей, и батальные сцены, и правдивое описание окопного быта, но, самое ценное, это ещё и литература о любви к Родине. Своего рода учебники на тему любви к своей земле. Учебники верности долгу, присяге, Отечеству.

Историки порой скептически, свысока посматривают на книги фронтовиков, мол, это же не документы. Непродуктивный снобизм! Как бы там ни было, а книги

написаны действующими лицами, в крайнем случае очевидцами. Иногда от первого лица. И та же «лейтенантская проза» куда правдивей, точнее и глубже некоторых «окопных мемуаров», появившихся в последнее время на волне «откровений» и «разоблачений», а также сомнительных исследований, написанных с привлечением этих «откровений». Скепсис историков здесь неуместен уже потому, что настоящий историк обязан учитывать и рассматривать свидетельства очевидцев и участников, так как это тоже *источник*. Как и документ. Который, кстати, не всегда отражал правду жизни и правду войны. Некоторые документы создавались под влиянием обстоятельств в угоду им или отдельным лицам, либо непомерно раздувая их славу и скромные достижения ради получения званий и наград. Либо пряча причины неудач, а порой и воинских преступлений.

Лев Николаевич Толстой преподнёс урок на все времена: не воевавший под Вязьмой, при Тарутине и под Бородином, он создал величайшую книгу — роман! — который стал летописью войны 1812 года. Ту, первую Отечественную вот уже не первое столетие мы изучаем и знаем по «Войне и миру»!

Они всегда и в любых обстоятельствах чувствовали и осознавали себя фронтовиками. Братьями и сёстрами.

Невозможно было в одну рукопись вместить судьбы всех писателей-фронтовиков. Здесь нет артиллериста Юрия Васильевича Бондарева, автора романов «Горячий снег» и «Берег»; Василя Владимировича Быкова, создавшего жгучие в своей человеческой правде повести «Сотников», «Третья ракета», «Альпийская баллада»; Виктора Петровича Астафьева, Михаила Петровича Лобанова, многих других. Это — только начало проекта издательства «Молодая гвардия». Их судьбы и истории — впереди.

Глава первая
ЮЛИЯ ДРУНИНА

«Я родом не из детства, из войны...»

Родилась 10 мая 1924 года в Москве в семье интеллигентов. Отец, Владимир Павлович, был учителем истории, мать, Матильда Борисовна, работала библиотекарем и подрабатывала частными уроками музыки. Жили в тесной коммуналке. Друнина вспоминала, что особенно сильным было влияние отца, который с самых ранних лет прививал ей любовь к книге, к чтению — «от Гомера до Достоевского». А она украдкой читала романы Дюма и Чарской. Ей казалось, что классика слишком громоздка и официальна и самую глубину и искренность чувств читателю не открывает.

Своим идеалом Юлия избрала кавалерист-девицу Надежду Дурову. С детства дружила с мальчиками. Даже косу себе отрезала — вместе с бантом!

В 1931 году Юлия пошла в школу. Уже тогда писала стихи. Украдкой. Вскоре пришла в литературную студию, которая работала при Центральном доме художественного воспитания детей, располагавшемся в здании Театра юного зрителя. Через несколько лет стала победительницей литературного конкурса. Её стихотворение «Мы вместе за школьной партой сидели...» напечатала «Учительская газета», его читали по Всесоюзному радио. Ранний успех! «И никогда я не сомневалась, что буду литератором, — вспоминала Юлия Друнина. — Меня не могли поколебать ни серьёзные доводы, ни ядовитые насмешки отца, пытающегося уберечь дочь от жестоких разочарований. Он-то знал, что на Парнас пробиваются единицы. Почему я должна быть в их числе?..»

Отец Юлии тоже писал стихи и даже скромно издавался. Уж он-то знал, какой это трудный и скудный хлеб и какая горькая участь — быть поэтом. Неверие отца, попытки отвести дочь от опасной, но захватывающей стези ранили, но не лишали крыльев.

Поколение родившихся в начале 1920-х — роковое поколение. Оно впитало романтику Гражданской войны как яркое героическое прошлое своих отцов и энтузиазм строительства нового общества как царства справедливости, в котором всегда есть место подвигу и возможность реализоваться самым светлым помыслам. Жестокий век развеет их юношеские грёзы, но это будет потом.

«Спасение челюскинцев, тревога за плутающую в тайге Марину Раскову, покорение полюса, Испания — вот чем жили мы в детстве. И огорчались, что родились слишком поздно...»

В 1941 году это поколение станет поколением добровольцев.

Школьный выпускной бал совпал с началом войны. Юлия пошла в военкомат. Её, семнадцатилетнюю, из этого сурового учреждения попросту прогнали. Подростки валом валили тогда в военкоматы, просились на войну, бить фашистов, спасти страну. Вначале к ним относились снисходительно, потом они начали мешать работать, а потом...

Юлия завидовала своим подругам, которые были старше её на год: их зачисляли на курсы санинструкторов, радистов, авиатехников, и они могли вскоре попасть в действующую армию.

Эти переживания вскоре переплавятся в стихи:

Какие удивительные лица
Военкоматы видели тогда!
Текла красавиц юных череда —
.....

Всё шли и шли они —
Из средней школы,
С филфаков,
Из МЭИ и из МАИ,
Цвет юности,
Элита комсомола,
Тургеневские девушки мои!

В конце концов добилась зачисления на курсы медсестёр и она. Какое-то время работала санитаркой в глазном госпитале. А потом была зачислена в отряд, который направлялся на запад от столицы — на строительство оборонительных сооружений. Рыли окопы и противотанковые рвы.

Фронт приближался. На недостроенные объекты начали налетать немецкие самолёты, бомбить, обстреливать из

пулемётов. Случались и агитационные налёты: снег листовок падал на рвы и окопы, где притаились испуганные девушки:

Московские дамочки,
Не копайте ямочки.
Приедут наши таночки
И заруют ваши ямочки.

Какие-никакие, а тоже — стихи.

А потом начались бомбёжки. Во время одной из них прошёл слух, что в их район прорвались немецкие танки и через несколько минут они будут здесь. Девушки бросили лопаты и начали разбегаться кто куда. В суматохе Юлия потерялась. Сколько ни плутала по лесу, своего отряда найти так и не смогла. Вскоре набрела на группу красноармейцев. Это были остатки стрелкового батальона, который прорывался из окружения. Некоторые бойцы были в кровавых бинтах и нуждались в перевязке. Юлия начала перевязывать их. Молодой комбат, который вёл отряд, понимая её положение, предложил идти вместе с ними. Сказал: «Будете санинструктором». Она, конечно же, согласилась.

Тринадцать суток пробирались они по лесам, мимо занятых немцами деревень к линии фронта, к своим. «Мы шли, — вспоминала Юлия Друнина, — ползли, бежали, натываясь на немцев, теряя товарищей, опухшие, измученные, ведомые одной страстью — пробиться! Случались и минуты отчаяния, безразличия, оцепенения, но чаще для этого просто не было времени — все душевные и физические силы были сконцентрированы на какой-нибудь одной конкретной задаче: незаметно проскочить шоссе, по которому то и дело проносились немецкие машины, или, вжавшись в землю, молиться, чтобы фашист, забредший по нужде в кусты, не обнаружил тебя, или пробежать несколько метров до спасительного оврага, пока товарищи прикрывают твой отход. А надо всем — панический ужас, ужас перед пленом. У меня, девушки, он был острее, чем у мужчин. Наверное, этот ужас здорово помогал мне, потому что был сильнее страха смерти».

Один из биографов поэтессы писал: «...именно там, в этом пехотном батальоне — вернее, в той группе, что осталась от батальона, попавшего в окружение, — Юля встре-

ЛИТЕРАТУРА

Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2009.

Гареев М. А. Константин Симонов как военный писатель: История Великой Отечественной войны в творчестве Симонова и её современные толкования. М.: ИНСАН, 2006.

Дементьев В. В. Мой лейтенант. М.: Советский писатель, 1981.

Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996.

Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Советский писатель, 1984.

Корольков Ю. М. Через сорок смертей. М.: Молодая гвардия, 1960.

Куняев С. Ю. Поэзия, Судьба, Россия... М.: Наш современник, 2005.

Лазарев Л. «Покуда над стихами плачут...» М.: Книжный сад, 1999.

Михеенков С. Е. Тамань на Оке: Писатели и Таруса. Калуга: ПОЛИГРАФИНФОРМ, 2005.

Мустафин Р. А. По следам поэта-героя: Книга-поиск. М.: Советский писатель, 1976.

Операция «Малый Сатурн» / Сост. А. С. Давыдов, Ф. И. Подпригора, В. Н. Ширяев. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1973.

Ржевская Е. Домашний очаг // Дружба народов. 2005. № 5.

Симонов К. М. 100 суток войны. М.: Вече, 2020.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990.

Симонов К. М. Истории тяжёлая вода: Воспоминания. М.: ПРОЗАиК, 2015.

Сорокин В. В. Крест поэта. М.: Алгоритм, 2006.

Старшинов Н. К. Планета «Юлия Друнина», или История одного самоубийства. М.: Звонница-МГ, 1994.

Тельпугов В. П. Алексей Недогонов. М.: Советский писатель, 1958.

Фаликов И. З. Борис Слуцкий: Майор и Муза. М.: Молодая гвардия, 2019.

Чухонцев О. В сторону Слуцкого // Знамя. 2012. № 1.

Эренбург И. Г. Годы, люди, жизнь. М.: Советский писатель, 1961.

Эренбург И. Г. О стихах Бориса Слуцкого // Литературная газета. 1956. 28 июля.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава первая. Юлия ДРУНИНА.</i> <i>«Я родом не из детства, из войны...»</i>	8
<i>Глава вторая. Борис СЛУЦКИЙ.</i> <i>«Рыжий ветхозаветный пророк в роли политрука»</i>	23
<i>Глава третья. Виктор КУРОЧКИН.</i> <i>«В нём текла мужицкая кровь...»</i>	49
<i>Глава четвёртая. Ольга КОЖУХОВА.</i> <i>Невозможность другого пути</i>	63
<i>Глава пятая. Сергей ОРЛОВ.</i> <i>«Его зарыли в шар земной...»</i>	75
<i>Глава шестая. Василий СУББОТИН.</i> <i>Записки старшего лейтенанта</i>	85
<i>Глава седьмая. Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ.</i> <i>«Война — совсем не фейерверк, а просто — трудная работа...»</i>	114
<i>Глава восьмая. Юрий БЕЛАШ.</i> <i>«Пьяные драки под органную музыку...»</i>	129
<i>Глава девятая. Константин ВОРОБЬЁВ.</i> <i>«Любовь и преданность русского человека земле своей...»</i>	144
<i>Глава десятая. Семён ГУДЗЕНКО.</i> <i>«Я был пехотой в поле чистом...»</i>	169
<i>Глава одиннадцатая. Алексей НЕДОГОНОВ.</i> <i>«Пел он устало и грустно...»</i>	189
<i>Глава двенадцатая. Константин СИМОНОВ.</i> <i>«Словно смотришь в бинокль перевёрнутый...»</i>	199
<i>Глава тринадцатая. Сергей НАРОВЧАТОВ.</i> <i>«По мне три раза панихиду пели...»</i>	240
<i>Глава четырнадцатая. Алексей СУРКОВ.</i> <i>«Пой, гармоника, вьюге назло...»</i>	263
<i>Глава пятнадцатая. Сергей КРУТИЛИН.</i> <i>Лейтенант из 2-й ударной</i>	285
<i>Глава шестнадцатая. Фёдор СУХОВ.</i> <i>Взводный из бригады «чёрных ромбов»</i>	306
<i>Глава семнадцатая. Николай ПОЛУНИН.</i> <i>«Я сгорел не дотла...»</i>	323
<i>Глава восемнадцатая. Муса ДЖАЛИЛЬ.</i> <i>«Баллада о последнем патроне»</i>	331
<i>Глава девятнадцатая. Иван АКУЛОВ.</i> <i>«Один из самых честных ратных художников...»</i>	346
<i>Глава двадцатая. Владимир БОГОМОЛОВ.</i> <i>«Он был опасным чудачком...»</i>	360
Литература	381